

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

**РАЗДЕЛ I. ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО:
ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**SECTION I. POWER, POLITICS, AND SOCIETY:
BASED ON MATERIALS OF ACTIVITIES OF THE STATE DUMA
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

УДК 328

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ОТРАЖЕНИЕ ИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

*Доктор исторических наук,
заведующая отделом истории Кавказа
Института истории Национальной академии
наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.*

Багирова Ирада Саид кызы
umahmudov@mail.ru

Аннотация. В статье освещается политическая ситуация, сложившаяся на Кавказе, в частности в Азербайджане, в годы Первой мировой войны, планы воюющих сторон в отношении региона. Рассматривается отношение различных социальных слоев и организаций к войне, участие азербайджанцев в формировании Татарского конного полка в составе Кавказской туземной дивизии. Особое место уделено деятельности Мусульманской фракции Государственной Думы в период войны и, в частности, депутата М.Ю. Джафарова, взявшего на себя миссию представлять интересы не только азербайджанского, но и туркестанского населения империи. В статье освещены взаимоотношения фракции с Прогрессивным блоком и изменение ее риторики в последний для России год Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Государственная Дума, Мусульманская фракция, переселенческая политика, Прогрессивный блок.

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN AZERBAIJAN AND THEIR REFLECTION IN THE STATE DUMA'S DEPUTIES ACTIVITIES DURING THE FIRST WORLD WAR

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Caucasus History Department,
Institute of History, National Academy
of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.*

Bagirova Irada Said Kyzy
ymahmudov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to political situation in the Caucasus and in particular in Azerbaijan, during the First World War and the plans of belligerent powers for the region. The author also highlights the attitude of social groups and organizations towards the war, participation of Azerbaijanis in the formation of the Tatar cavalry regiment as part of the Caucasian Native Division. Particular attention is paid to the activities of the Muslim faction of the State Duma during the war and, in particular, the deputy M.Y. Dzhafarov accepting the mission to represent the interests not only of Azerbaijanis, but also the population of Turkestan. The article highlights the relationship between the faction and the Progressive Bloc and change its rhetoric in the last year of the World War for Russia.

Keywords: The First World War, Russian Empire, the State Duma, the Muslim fraction, immigration policy, the Progressive Bloc.

Весь 2014 г. прошел под знаком столетия начала Первой мировой войны, оставившей неизгладимый след в истории человечества и потрясшей его невиданным до тех пор количеством жертв и разрушений. Начавшие войну немецкие правящие круги разрабатывали программу создания «Всегерманского рейха», включающего в себя огромные территории от Скандинавии до Персидского залива. В Генеральном штабе Германии совещались также о том, каким путем можно «смертельно ранить Россию – действием против Петербурга на севере или разрушением угольных шахт и нефтяных вышек на юге». Вместе с тем был разработан и план создания Тифлисского наместничества под германским протекторатом, охватывающего весь Кавказ и Закавказье с нефтеносными землями Апшерона [23, с. 115, 119].

Важная роль в реализации планов Германии отводилась Турции, ставшей ее экономическим и военным союзником. Вместе с тем Турция вынашивала и собственные планы, объявив войну джихадом и призвав мусульман всего мира к объединению. Но турецкое правительство вело переговоры не только с мусульманами, но и с грузинскими социал-федералистами, и с армянскими дашнаками, обещая им создание национальных автономий. Мусульманам же (азербайджанцам) в случае их поддержки Турции были предложены часть Северного Кавказа вместе с Дагестаном, Бакинская и часть Елисаветпольской губернии [27, р. 76.]. Однако дальнейшие поражения Турции сделали нереальными эти планы.

Что касается России, то ее экспансионистские стремления в Азии мало кем подвергаются сомнению, поскольку «имперский менталитет правящей бюрократии не допускал мысли о хотя бы временном отказе от великодержав-

ной роли, по крайней мере, в традиционных Восточном и славянском вопросе» [7, с. 68], что также предполагало овладение проливами.

Война вызвала неоднозначную реакцию в различных слоях азербайджанского общества. Социальные верхи единодушно выступили с поддержкой России в войне, это нашло свое отражение как в публичных выступлениях общественных деятелей, так и в официальных документах и заявлениях. В Баку, Елисаветполе и других городах прошли патриотические манифестации и митинги, торжественные молебны в мечетях, где выражалась готовность отдать все свои силы и жизнь «за отечество и престол» [16, 25 июля].

Очередной съезд бакинских нефтепромышленников в декабре 1914 г. вынес решение пожертвовать для фронта 1 млн руб. и предложил ввести с января 1915 г. попудный сбор на эти цели [20, с. 19]. По инициативе общественности были созданы комитеты по сбору пожертвований среди населения и организаций благотворительных госпиталей. Многие азербайджанцы – выходцы из высших сословий, несмотря на отсутствие призыва мусульман в армию, вступали в нее добровольно. Всего на фронтах воевало около 200 офицеров-азербайджанцев.

Азербайджанский депутат IV Государственной Думы М.Ю. Джафаров от имени членов Мусульманской фракции назвал войну освободительной и в то же время отметил, что поскольку «русская армия несет свободу зарубежным народам, то тем более та же свобода должна быть возвещена и многочисленным народам, входящим в состав Российской империи» [25, с. 112].

Прогрессивные слои общества, внешне сохраняя лояльность правительству, надеялись обернуть последствия этой войны в максимально выгодное для своего народа русло. Показательны в этом отношении слова будущего премьер-министра Азербайджанской республики Фатали хана Хойского, сказанные им в 1915 г.: «После войны все изменится, сильные державы выйдут из нее слабыми и израненными, и тогда наступит наше время диктовать свои условия, что означает свободу для нас. Эта свобода исходит от нашей силы, наших денег и нашей нефти. Поэтому не забывайте: мир нуждается в нас больше, чем мы в нем» [26, р. 111].

Одной из наиболее болезненных тем являлась воинская повинность, которую, как известно, не несли мусульманские народы. Еще в мае 1914 г. председателю Мусульманской фракции IV Думы К.Б. Тевкелеву было направлено письмо из Баку за подписью «Кавказских мусульман» с просьбой доложить премьер-министру нужды мусульман, одной из которых являлась необходимость отбывать воинскую обязанность в рядах русской армии [25, с. 113–114].

Но царские власти ограничились лишь объявлением призыва 3000 азербайджанцев на военно-оборонительные работы, что вызвало недовольство местного населения и протест депутатов Мусульманской фракции [4, 20 августа]. Благодаря усилиям фракции призыв «инородцев» на оборонительные работы был отсрочен до 15 сентября. Тем не менее с началом войны назрела необходимость в формировании военных частей из «воинственных кавказских народов». 27 июля 1914 г., с разрешения императора, началось формирование Татарского конного полка в составе Кавказской туземной дивизии [21, с. 3]. Полк воевал на австро-венгерском фронте. Вместе с тем в общественном мнении кавказских мусульман в отношении к воюющим сторонам произошел рас-

кол и часть азербайджанцев в качестве добровольцев воевала на стороне единоверцев в турецкой армии.

Были в Азербайджане и организации, видевшие спасение народа лишь в единении с Турцией. Одной из них являлась действовавшая в Нахичевани организация «Муджахидин» (Самоотверженные). Организацией велась не только агитационная, но и практическая работа по добыче данных о количестве воинских эшелонов, переправка денег в Турцию через Тебриз, а также вербовка добровольцев в турецкую армию [1, лл. 1–3]. Деятельность организации стала приобретать такой масштаб, что в декабре 1916 г. почти все ее члены во главе с ее лидером М.Б. Мир-Гейдарзаде были арестованы [1, лл. 59, 70].

В сентябре 1915 г. на место И.И. Воронцова-Дашкова кавказским наместником был назначен великий князь Николай Николаевич, более терпимо относившийся к мусульманам. Встреча прибывшего в Баку по дороге в Тифлис наместника была организована с большими почестями, на нее собрался весь цвет бакинской элиты. На нового наместника возлагали большие надежды как представители городских властей и буржуазии, так и прогрессивной интеллигенции. Городской голова Л.Л. Быч, промышленники И. Гаджинский, Г.З. Тагиев вместе с выражением верноподданнических чувств высказали и надежду на введение в крае земства, высшего учебного заведения, суда присяжных, разрешение национального вопроса и пр. [12, с. 121]. От мусульманского населения Елисаветполя была получена телеграмма, в которой говорилось, что «Кавказ, эта жемчужина короны, засияет своим естественным блеском в руках мудрого представителя нашего обожаемого Великого Государя» [6, 17 сентября]. Наместник в своей речи пообещал проведение на Кавказе всех назревших реформ и разрешение конфликтов при условии «доверия» к нему края. Однако была сделана оговорка, что практическое осуществление требований политического характера в настоящий момент, «когда миллионы людей на поле сражений подставляют грудь вражеским пулям», не представляется возможным «сейчас же, на месте» [18, 15 сентября].

Некоторые уступки были сделаны лишь в области прессы. С личного разрешения наместника в октябре 1915 г. М.Э. Расулзаде начал издавать газету «Ачыг сез» (Открытое слово), которая до 1918 г. являлась центральным органом Мусавата. «Ачыг сез» впервые в мусульманском мире была названа «ежедневной тюркской газетой», а язык, на котором она издавалась, назван тюркским, а не татарским, как было принято его называть русскими властями. В передовице первого номера газеты, написанной самим М.Э. Расулзаде и озаглавленной «Наш путь», давалась оценка войны и выдвигались новые задачи. Несмотря на пожелания «нашей общей Родине России успехов и победы в войне», в этом же номере М.Э. Расулзаде приводит мысль А. Гусейнзаде и З. Гекалпа о «тюркизации, исламизации, модернизации», раскрывая содержание этого ставшего впоследствии девизом Мусавата и АДР лозунга. «Основной взятого нами пути, – пишет он, – является национализм... Каждая нация для своего прогресса нуждается в трех основах: язык, религия и эпоха... По языку мы – тюрки... по религии мы мусульмане... Будучи мусульманами, мы тюрки, входим в интернационал ислама, почитая одного бога и имея общую культуру. Но если хочешь жить независимо... необходимо вооружаться современной наукой, искусством. Таким образом, если хочешь работать за здоровую и просве-

ценную нацию, необходимо признать три основы – тюркизация, исламизация и модернизация» [2, 2 октября].

Желая России победы в войне и выражая патриотические чувства, Расулзаде в то же время заявляет, что в награду за этот патриотизм все нации, в том числе и мусульмане, ожидают, что «обновленная Россия не откажет проживающим под ее милосердным крылышком народам в естественной свободе, обеспечивающей будущую культурную жизнь» [2, 2 октября]. Таким образом, идеи общеисламского единства, которые мусаватисты проповедовали ранее, отступают на второй план перед интересами нации, ее прогресса и культурного обновления. «Какая бы сторона не победила в войне, – писал Расулзаде, – этот мир не может быть долгим и прочным, если отдельные нации не получают свободу и право на существование... Независимость получают только те народы, которые будут полностью заинтересованы в своих государственных интересах, и тогда только можно рассчитывать на исполнение своих надежд и достижение своих идеалов» [28, р. 25–26.]

Патриотические настроения разделяли тогда практически все отделения российских политических партий в Азербайджане, за исключением большевиков.

Большая часть статей бакинских газет военного периода, помимо освещения хода военных действий, была посвящена работе Мусульманской фракции IV Государственной Думы, на которую азербайджанская интеллигенция возлагала большие надежды. Деятельность фракции обстоятельно освещал в газете «Каспий» Дж. Гаджибейли (псевдоним Дагестани) в цикле статей «Петербургские письма», «В Мусульманской фракции», «Заметки мусульманина».

В Мусульманскую фракцию IV Думы входило 7 депутатов вместо 9 в третьей Думе: 3 депутата от Уфимской, 1 – от Оренбургской, 1 – от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний, 1 – от Дагестана и 1 – от Самары [14, 3 апреля]. В I Думе было 25 человек, во II – 35. По избирательному закону 3 июня 1907 г. представительство мусульман было сокращено.

В IV Думе задачу защиты интересов степного и туркестанского населения принял на себя 27-летний выпускник юридического факультета Московского университета, помощник присяжного поверенного Мамед Юсиф Джафаров. Одним из главных и наиболее острых вопросов, поднимаемых Мусульманской фракцией в Думе, был переселенческий вопрос. В выступлениях М.Ю. Джафарова постоянно озвучивались ходатайства местного населения Закавказья, а также Степных и Туркестанских областей по поводу переселения крестьян из Центральной России. Депутат указывал на полное отсутствие какой-либо рациональной системы и планомерности в этом деле, называя его «вандализмом», изымающим лучшие земли у местного населения и передающим их переселенцам. К тому же в Закавказье плотность населения часто была выше, чем в Европейской России. Депутатам из Закавказья удалось убедить Думу проголосовать за то, чтобы при переселении явно не нарушались законные интересы коренного населения [9, стб. 1763].

Неоднократно поднимался Джафаровым вопрос о целесообразности введения земства в Закавказье, необходимость которого еще более обострилась в годы войны. В марте 1916 г. он вместе с депутатами от Закавказья Скобелевым и Пападжановым вновь поднял этот вопрос, напомнив, что он имеет

уже полувековую историю. До войны власти объясняли, что местное население еще не подготовлено к этой форме управления, во время войны же начали обещать ввести земства после окончания военных действий. Между тем земская реформа давно назрела, в крае отсутствовали нормальные пути сообщения, медицинская помощь, просвещение сельского населения и т. д. Один из кадетских лидеров Д.И. Шаховской внес этот вопрос в программу ближайших требований партии [10, с. 68].

В апреле 1914 г. Мусульманская фракция добилась издания своего печатного органа – газеты «Миллет», издавал ее С.Г. Джантюрин [15, 18 апреля]. К сожалению, газета, вызвавшая большой резонанс среди российских мусульман, не пользовалась такой же популярностью на Кавказе, так как выходила на языке казанских татар.

Широкое обсуждение вызвал вопрос о создании постоянно действующего Бюро при фракции, состоящего из представителей мусульманства всей страны, предложенного уфимской газетой «Дурмуш» и московской «Слово». «Ачыг сез» выступила за создание Бюро, которое явилось бы той политической организацией, которая более деятельно отстаивала бы интересы мусульманства России и содействовала бы активизации общественного мнения к нуждам мусульман [3, 4 января].

В феврале 1916 г. в Петрограде было проведено совещание Мусульманской фракции, на котором и было создано Бюро. Оно сыграло определенную роль в выдвижении Мусульманской фракцией предложений о восстановлении представительства мусульман и выдвижении прав выносить на обсуждение свои национальные и религиозные нужды, а также вопросов увеличения представительства мусульман в городских думах [3; 3, 4, 7 марта].

Ухудшение положения на фронтах, усиление экономической разрухи, рост забастовочного движения и неспособность правительства справиться с проблемами вызвали резкий рост оппозиционных настроений во всех слоях общества. 18 июля 1915 г. кадетами и прогрессистами в Государственной Думе был поставлен вопрос о власти, «опирающейся на доверие всех живых сил страны» [11, с. 106]. В начале августа с требованием создания «правительства доверия», выдвинутым Московской городской думой, присоединилась и Бакинская городская дума, о чем городской голова Л.Л. Быч уведомил телеграммой Председателя Государственной Думы Родзянко [6, 5 сентября].

Одновременно в Государственной Думе начались переговоры между различными фракциями, завершившиеся 9 августа 1915 г. образованием так называемого Прогрессивного блока, в который вошли 236 из 422 членов Думы. Не присоединились к блоку только крайне правые и крайне левые депутаты [10, с. 52]. Центральным пунктом программы блока было требование создания «министерства общественного доверия», опирающегося на Думу.

В программу блока помимо ряда политических требований были включены и национальные вопросы [11, с. 107–108]. Однако они касались в основном автономии Польши и Финляндии. Нужды мусульман страны в программе не упоминались. Мусульманская фракция Думы также оказалась вне блока. По поводу отказа фракции от вхождения в Прогрессивный блок представители последнего приводили самые неувразимые причины, в частности отсутствие якобы четко выраженных программных требований фракции [3; 16,

21 февраля]. Но и после того, как М.Ю. Джафаров объявил о требованиях фракции заключающихся в отмене юридических, религиозных и национальных ограничений в отношении мусульман, включающих и изменение 3-е июньского закона в отношении Туркестана и Казахстана, представители Прогрессивного блока по инициативе А. Керенского отказались поддержать эти требования под предлогом военных действий, и заявление Джафарова о вхождении в блок не было принято [3; 16, 21 февраля]. Объяснением столь бестактного шага, как представляется, являлась не сама программа Мусульманской фракции, суть которой мало в чем изменилась со времен III Думы, а совсем другая причина. Компромисс между думскими фракциями в виде Прогрессивного блока был заключен не ради законодательной программы, а с целью смены правительства для обеспечения победы в войне. Для представителей блока был важен сам факт сплочения 2/3 Думы, чтобы «ссадить это неспособное правительство не путем революции, а органическим давлением общественных сил» [8, л. 53а]. Для привлечения же в блок Мусульманской фракции кадетам и прогрессистам пришлось бы лишиться союза с октябристами, всегда выступавшими против отмены ограничений в отношении инородцев. Обе фракции (кадеты и прогрессисты) предпочли, по словам М.Ю. Джафарова, «пойти по оппортунистическому пути соглашения с октябристами и более правыми, пожертвовав 20 миллионным мусульманским населением» [15, 9 декабря].

Редактор выходившей в Казани газеты «Юлдуз» Садри Максудов опубликовал статью «Прогрессивный блок и наша фракция», в которой заявил, что не вхождение в блок явилось крупной ошибкой Мусульманской фракции [18, 14 ноября]. На что Джафаров ответил, что, будь хоть какая-то возможность войти в блок, фракция бы это сделала и этому не помешала бы никакая гордыня. Противоположной точки зрения придерживался ряд азербайджанских политиков, считая, что «фракция должна действовать самостоятельно, не навязываясь никому и не входя ни в какие временные блоки», и для этого у нее есть программа партии «Иттифаги Муслимин» [3, 1 декабря].

Тем не менее образование Прогрессивного блока было встречено с большим воодушевлением, как в общественных, так и в торгово-промышленных кругах Азербайджана, недовольных экономической политикой правительства в военное время. Все ведущие бакинские газеты опубликовали материалы о создании блока и его программные документы. Газета «Баку» охарактеризовала создание блока как факт огромного государственного значения, благодаря которому «заложен фундамент парламентаризма в истинном и глубоком смысле этого слова» [6, 28 августа]. «Каспий» также приветствовал создание блока и особенно его лозунг «министерства доверия», включавшем в свой состав наиболее популярных думских деятелей. «Об образовании работоспособного правительства, действительно сплоченного и объединенного определенной программой, опирающейся на доверие и сочувствие страны, – отмечалось в одной из передовиц газеты, – говорит не Керенский, не Миллюков, а почтенные старцы из Государственного совета, которых трудно заподозрить в любви к новшествам... Даже хранители устоев заявили, что так дальше жить нельзя» [18, 29 ноября]. Газета «Ачыг сез» также вполне в либеральном духе стала выступать с поддержкой Прогрессивного блока, печатать его программу и даже защищать его от крайне правых фракций Думы, способствующих своими действиями против блока «расчленению государства» [2, 5 декабря].

По мере углубления политического и экономического кризиса, прихода к власти «нового» премьера Горемыкиным на страницах бакинских газет стали появляться статьи, открыто выражающие недовольство «пагубной для страны» политикой царского правительства, которая «привела страну на третий год войны в состояние какого-то ошеломления» [15, 13 ноября]. К концу 1916 г. Прогрессивным блоком было выдвинуто уже более решительное требование о создании «ответственного министерства», к которому присоединилась и Мусульманская фракция [15, 23 ноября].

К концу 1916 г. революционный кризис в России был налицо. Экономический развал, небывалый рост цен, военные поражения, постоянные смены в правительстве продемонстрировали всему российскому обществу полную неспособность царизма контролировать ситуацию в стране. Вся Россия была охвачена забастовочным движением. В Баку 17 января 1917 г. в механических мастерских Нобеля началась стачка, она продолжалась до 31 января и закончилась частичным удовлетворением требований рабочих [22, с. 273].

Весть о Февральской революции была получена в Баку 2 марта 1917 г. и встречена ликованием всех слоев общества и национальностей. Особый подъем вызвало сообщение об объявлении Временным правительством всеобщей амнистии политзаключенным: первые дни революции в Азербайджане на свободу вышло 600 человек [22, с. 274].

Орган нефтепромышленников, журнал «Нефтяное дело», писал: «Давнишняя мечта молодой России о политической свободе и действительно конституционном политическом строе осуществилась полностью и в самых широких границах» [19, 16 марта]. На рауте по случаю Новруз байрама будущий премьер Ф.Х. Хойский огласил текст телеграммы, посланной в Петроград в адрес Родзянко и председателя Мусульманской фракции от имени 30 мусульманских общественных организаций г. Баку, в которой отмечалось, что «возвещенные Временным правительством основы гражданской, политической, национальной и религиозной свободы и равенства всех граждан государства Российского будут отныне незыблемы, и мусульмане, освободившись от вековых гонений низвергнутого в прах режима, возродятся к новой светлой созидательной жизни в свободной России» [5, 10 марта].

8 марта 1917 г. Мусульманская фракция передала Совету министров заявление в связи с опубликованной программой деятельности Временного правительства. Фракция рекомендовала правительству не повторять ошибок прежнего режима и при назначении должностных лиц руководствоваться не только их партийной близостью к кабинету, но и тем, насколько они знакомы с бытом, языком и особенностями мусульманского населения [25, с. 122].

9 марта Временное правительство отстранило от деятельности Кавказского наместника Великого князя Николая Николаевича, назначив для управления краем Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) во главе с членом IV Думы кадетом А. Харламовым. В его состав вошли также думские депутаты М.Ю. Джафаров, А. Чхенкели, М. Пападжанов и др. [13, с. 776]. Выступая на митинге, посвященном учреждению нового органа власти, М.Ю. Джафаров особо подчеркнул, что на них возложена обязанность временного управления Кавказом до тех пор, пока не соберется Учредительное собрание и не выработает основных законов [17, 18 марта]. Он также призвал народы Кавказа к

единению и отметил несвоевременность выставления в данный момент национальных лозунгов, считая, что этим также должно заняться Учредительное собрание [17, 19 марта]. С призывом прийти к Учредительному собранию объединенными общими стремлениями и идеалами обратился ко всем кавказским мусульманам и выдающийся политический деятель, депутат первой Думы А.М. Топчибашев [17, 18 апреля].

Однако не все общественные деятели собирались откладывать решение национального вопроса до Учредительного собрания. В частности, объединившаяся с Тюркской партией федералистов партия Мусават провозгласила более далеко идущую цель – проведение в жизнь идеи федеративной республики в рамках демократической России. На открывшемся в Баку 15 апреля I Съезде Кавказских мусульман М.Э. Расулзаде выступил уже с требованием территориальной автономии для мусульман России, решение о которой должно было вынести будущее Учредительное собрание. Эту же идею отстаивал М.Э. Расулзаде и на проходившем в Москве с 1 по 11 мая 1917 г. Всероссийском мусульманском съезде, где было принято его предложение, гласившее, что «формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах» [24, с. 27]. Однако эти лозунги не успели претвориться в жизнь, произошел октябрьский переворот, после которого уже приобрело реальные очертания достижение национальной независимости, что и было осуществлено 28 мая 1918 г. объявлением первой в истории Азербайджанской демократической республики.

Литература

1. Архив Политических документов Управления Президента Азербайджанской Республики (АПДУП АР). Ф. 276. Оп. 8. Д. 528а. Лл. 1–3, 9, 15–17, 19–21. Лл. 59, 70.
2. Ачыг сез. 1915. 2 октября, 5 декабря.
3. Ачыг сез. 1916. 4 января; 3, 4, 7 марта, 16, 21 февраля, 1 декабря.
4. Баку. 1916. 20 августа.
5. Баку. 1917. 10 марта.
6. Баку. 1915. 17 сентября, 5 сентября, 28 августа.
7. Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 6.
8. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 3. Д. 9. Л. 53а.
9. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 1763.
10. Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. С. 52, 68.
11. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917 гг. Л., 1967. С. 106, 107–108.
12. Известия Бакинской городской думы. 1916. № 9–10. С. 121.
13. История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1963. С. 776.
14. Каспий. 1913. 3 апреля.
15. Каспий. 1916. 18 апреля, 9 декабря, 13 ноября, 23 ноября.

16. Каспий. 1914. 25 июля.
17. Каспий. 1917. 18 марта, 19 марта, 18 апреля.
18. Каспий. 1915. 15 сентября, 14 ноября, 29 ноября.
19. Нефтяное дело. 1917. № 5. 16 марта.
20. Нефтяное дело. 1914. № 24. С.19.
21. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. Нальчик, 2007. С. 3.
22. Очерки истории Компартии Азербайджана. Т. 1. Баку. 1985. С. 273. С. 274.
23. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1968. С. 115, 119.
24. Программные документы мусульманских политических партий. Оксфорд, 1985. С. 27.
25. Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991. С. 112, С. 113–114, 122.
26. Цит. по кн.: Swietochovski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920. Cambridge University, 1985. P. 111.
27. Altstadt A.L. The Azerbaijani Turks. Power and Identity under Russian rule // Stanford, California: Hoover Institution press, 1992. P. 76.
28. Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı, 1990. S. 25–26.